Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 8 (74), № 3. 2022 г.

УДК 929.733

А. А. ОЛЕНИН – ДЕКАБРИСТ, УБИТЫЙ ДВОРОВЫМИ ЛЮДЬМИ

Маньков С. А.

Государственный музей-заповедник «Царское Село»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: mankov21@mail.ru

Рассматриваются обстоятельства биографии и подробности гибели от рук крепостных дворовых людей действительного статского советника Алексея Алексеевича Оленина (1798–1854), некогда принадлежавшего к декабристскому Союзу благоденствия. Хотя в молодости А. А. Оленин и был носителем либеральных идей, в конце жизни он отличался деспотическими методами в управлении крестьянами. Покушение на жизнь 1852 г. и убийство в 1854 г. бывшего декабриста А. А. Оленина весьма характерны для аналогичных преступных деяний заключительного этапа существования крепостного права в России. В обоих случаях дворовые люди не пытались бежать после насильственных действий в отношении помещика, а добровольно сдались и признались в совершении содеянного, что свидетельствует об акте безысходности в попытке привлечения внимания властей к своему истинному положению. В то же время власти пытались предотвратить убийство Оленина, оказывая на него давление с целью смягчения участи его крепостных, однако положение и родственные связи помещика помешали предпринять решительные меры в отношении его имений.

Ключевые слова*:* крепостное право, дворянство, крестьянство, убийства помещиков, дворовые люди, декабристы, Союз благоденствия, А.Н. Оленин, Санкт-Петербургская губерния, Россия в XIX веке.

Движение декабристов было крайне неоднородным, как по своему персональному составу, так и по идейно-политическим устремлениям. Хотя в программных документах тайных союзов декларировалось множество прогрессивных и идеалистических положений, как например – отмена крепостного права, на практике подавляющее большинство участников декабристских организаций крестьян в своих поместьях не освободили, поскольку экономически были предельно зависимы от доходов их труда. Очень по-разному складывались судьбы участников декабристских организаций после события восстания 14 декабря 1825 г. Одних из них был Алексей Алексеевич Оленин.

Младший сын видного государственного деятеля, впоследствии – почетного члена Петербургской Академии наук, президента Императорской Академии художеств, директора Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, государственный секретаря, члена Государственного совета, действительного тайного советника Алексея Николаевича Оленина (1763–1843) и Елизаветы Марковны Полторацкой (1768–1838) [1, с. 23–26], Алексей, родился в Санкт-Петербурге 30 мая 1798 г. и был крещен в церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади 13 июня 1798 г. Восприемниками выступали будущий министр юстиции и генерал-прокурор Правительствующего Сената князь Алексей Алексеевич Долгоруков (1767–1834) и бабушки со стороны матери, Агафоклея Александровна Полторацкая (1737–1822) [2, л. 236]. Род Олениных относился к

древнему дворянству и имел обширные матримониальные связи среди российской аристократии [3, с. 227–229].

А. А. Оленин выпустился из Пажеского корпуса и 24 апреле 1817 г. был определен в чине прапорщика на службу в Гвардейский Генеральный штаб и прикомандирован к военно-топографическому депо, состоя в котором, сделал план г. Павловска, за каковой был награжден бриллиантовым перстнем. 30 августа 1818 г. произведен в подпоручики, а 30 июля 1819 г. в поручики. В 1821 г. был командирован на военное обозрение Псковской губернии, за что награжден орденом Св. Анны 3 ст. 2 апреля 1822 г. произведен в штабс-капитаны. В феврале 1823 г. за труды при составлении описания кампании 1813 г. и при съемке реки Березины вновь награжден бриллиантовым перстнем. С 3 марта по 18 октября 1823 г. Оленина назначили начальником военного обозрения Тверской губернии, за каковую службу был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. [4, с. 50–51].

Как позже будет следовать из показаний декабристов Н. М. Муравьева, князя С. П. Трубецкого, И. Г. Бурцова, князя Е. П. Оболенского и К. Ф. Рылеева, А. А. Оленин принадлежал к числу членов Союза благоденствия [5, с. 294]. В мае 1821 г. А. Х. Бенкендорф представил императору Александру I записку, автором которой был агент М. К. Грибовский, внедрённый в Коренную управу Союза благоденствия. В записке указывались руководители и наиболее активные члены общества, в числе «примечательнейших по ревности» был назван и Оленин [6, с. 184].

Вероятно вследствие предупреждения, сделанного А. А. Оленину в завуалированной форме многолетним другом семьи, известным литератором И. А. Крыловым [7, с. 295–297], он постепенно отдаляется от активного участия в заговоре. 29 марта 1825 г. производится в капитаны, а 4 мая т.г. просит об отпуске заграницу на 1 год. Именно этот своевременный отъезд спасает А. А. Оленина от участия в мятеже, а его участие в противоправительственных тайных организациях было высочайше поведено оставить без внимания [5, с. 133].

В январе 1827 г. Оленин, в чине капитана, по болезни, переменил военную службу на статскую и поступил переводчиком в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и вскоре был откомандирован в Департамент уделов. В мае 1828 г. Оленин за поднесенный Государю труд: «Историко-статистические замечания о Константинополе» удостоился Монаршего благоволения [8, с. 214–215].

В феврале 1830 г. он был назначен для занятий в Министерство юстиции, в коем ведомстве состоял до 1836 г., причем в 1831 г. находился в составе комиссии для разбора дел архивов Государственного и Сенатского; в 1832 г. Оленину был поручен разбор и приведение в порядок дел и бумаг Департамента Министерства юстиции и контроль движения дел Судных отделений того же департамента; в 1833 г. Оленин был определен за обер-прокурорский стол в 4-м Департаменте Сената. Затем, после кратковременной отставки, Оленин вновь определился на службу в Министерство финансов; между прочим, в 1843 г., уже в чине действительного статского советника, Оленин был назначен чиновником особых

поручений Департамента Государственного Казначейства, а в апреле 1849 г. Оленин вновь был принят на службу в ведомство Министерства юстиции и определен за обер-прокурорский стол 5-го, затем 3-го департамента Сената.

15 мая 1833 г. в Никольском Морском соборе Санкт-Петербурга Алексей Алексеевич Оленин сочетался браком с княжной Александрой Андреевной Долгоруковой (1807–1859), дочерью статского советника князя Андрея Николаевича Долгорукова. Поручителями по женихе выступили: отец, действительный тайный советник А. Н. Оленин и, министр Императорского двора и уделов, генерал-адъютант, генерал от инфантерии князь Петр Михайлович Волконский; а по невесте её родной отец, князь А. Н. Долгоруков [9, с. 207 об.]. В браке родилось четверо детей: Дмитрий (1835–1884), Александр (1837–1888), Мария (1841–?) и Григорий (1845–1875) [4, с. 44].

Судя по всему с годами характер А. А. Оленина стал портится, что сказалось на тиранических методах управления своими крестьянами со стороны недавнего декабриста. Первый раз эта черта вскрылась в 1852 г. в результате покушения на жизнь самого Оленина.

7 сентября 1852 г. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, генерал от кавалерии Леонтий Васильевич Дубельт сделал запись в своем дневнике следующего содержания: «…Крепостной человек действительного статского советника Оленина Лев Васильев, явясь в полицию, объявил, что он нанес владельцу своему удар по лбу обухом топора с намерением убить его. Полиция нашла Оленина живым, но тяжко раненым с повреждением черепа. Оленин женат на сестре князя Василия Андреевича Долгорукова, он человек, как говорят, крайне раздражительного характера и своим обращением с прислугою вывел оную из терпения» [10, с. 184–185].

К убийствам и покушениям на жизнь помещиков, впрочем, как и к расследованию насильственных преступлений вообще, власти Николаевской России относились крайне серьезно. При подобных покушениях в большинстве случаев выделялись два типа мотивов: корыстный, т.е. с целью ограбления либо сокрытия кражи, и личностный – акт отчаяния, месть за издевательства и унижения, принуждение порой к непосильному труду.

15 ноября 1852 г. в рапорте предводителя дворянства Санкт-Петербургского уезда Николая Александровича Безобразова губернскому предводителю дворянства Александру Михайловичу Потемкину отмечалось: «Второй департамент Санкт-Петербургской управы благочиния при отношениях от 25 октября и 1 ноября сего года за № 53196 и 28864 препроводил ко мне переписку о нанесении действительному статскому советнику Оленину крепостным его человеком удара топором в голову и о притеснениях, причиняемых Олениным дворовым его людям.

Руководствуясь правилами в Высочайшем рескрипте от 6 сентября 1826 г. изложенным, я приглашал к себе Оленина и сделал ему надлежащее внушение. Из собранных мною под рукою сведений и сознания самого Оленина оказывается, что он характера весьма вспыльчивого, а в спокойном состоянии в такой же степени

слабого, что и может быть поводом к постоянному недобронравию окружающих его крепостных людей.

Все сии обстоятельства честь имею представить усмотрению Вашего превосходительства, присовокупив, что по мнению моему настоящее дело не требует дальнейшего действия, ибо Оленин обещал не иметь при себе крепостных людей, а обходиться вольнонаемной прислугой, о нанесении же ему удара топором в голову производится дело судебным порядком» [11, л. 1–1 об.].

Из последующего видно, что А. А. Оленин не внял увещеваниям чиновников дворянского самоуправления, поскольку крестьяне продолжали жаловаться на своего помещика и дошли даже до генерал-губернатора. Из рапорта Санкт-Петербургского уездного предводителя дворянства Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору, генералу от инфантерии Дмитрию Ивановичу Шульгину от 26 августа 1854 г. за № 736 следует: «Вследствие предписания Вашего высокопревосходительства от 11 сего августа за № 1736 я собрал под рукою и с крайней осторожностью некоторые сведения по предметам жалобы, принесенной вашему высокопревосходительству на действительного статского советника Оленина зависящими от него дворовыми и вотчинными людьми. Жалоба не во всех частях оказывается справедливой, тем не менее заслуживает особого уважения и обстоятельства дела таковы, что предупредительные и действительные меры от высшего правительства, по мнению моему, оказываются необходимыми.

Нельзя сказать, как объяснено в жалобе, чтобы оброк, взимаемый Олениным с крестьян его, был отяготительным, сколько даже судить можно издалека, следует полагать, что управление Веневской его вотчины (Тульской губернии) ведется правильно, здесь же в Санкт-Петербурге (вопреки того, что сказано в жалобе) дворовые его люди и крестьяне снабжаются пищею и одеждою совершенно достаточно. Тем не менее, нрав Оленина таков, что служение при нем вполне зависящих от него людей почти невозможно. Неумение владеть собой, перемежающиеся, то оплошная снисходительность, то внезапная неимоверная взыскательность, наконец, безрассудство в распределении занятий и в требованиях своих – вот отличительные черты обхождения Оленина с своими людьми. Трудно было бы исчислить здесь подробности, трудно было бы даже обнаружить эти обстоятельства формальным следствием. Увечья или нестерпимых жестокостей им не причиняется людям своим, наносит он побои то рукой, то тростью, хотя, может быть и не весьма тяжелые, но что составляет в сем обхождении невыносимую сторону, это неуместность, беспричинность и несправедливость этих действий. Повторяю, формальным розысканием почти невозможно обнаружить истину сих обстоятельств, но к крайнему моему сожалению для меня при собранных мною тайных сведениях, эта истина очевидна.

Уже за два года тому назад Оленин претерпел жестокие последствия неблагоразумного своего обхождения. Страшусь, чтобы не возобновилось происшествие подобного рода. В то время и вследствие препровожденного ко мне Управой благочиния следственного дела, я на основании Высочайшего рескрипта от 6 сентября 1826 г. приглашал к себе Оленина и сделал ему надлежащие внушения,

он, казалось, убедился тогда представлениями моими и, вполне осознав слабую сторону своего характера, обещал мне словесно не иметь у себя в услужении собственных людей, а ограничиться наемными. Как видно, Оленин с того времени переменил свое намерение.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, я долгом считают выразить мнение свое, что для безопасности самого Оленина и для предупреждения важных, может быть, последствий, представлялось бы необходимым строго воспретить ему иметь в своем услужении собственных людей, предоставя ему, однако, самому распорядиться отсылкой сих людей в вотчины по принадлежности. Для наложения опеки нет достаточно законных причин, и, во всяком случае, я предполагал был таковую меру вредной для самого вотчинного благосостояния, которое, по-видимому, сохраняется в исправности. Воспрещение же иметь в услужении собственных людей было бы изъятием из общего правила, могущим воспоследовать от предписания самого высшего правительства, как благодетельное предупреждение вредных последствий, ожидаемых от собственных, невольных может быть, ошибок помещика. Всякое же внушение или надзор с моей стороны будут бесполезны» [11, л. 6–7].

16 сентября 1854 г. генерал-губернатор Д. И. Шульгин писал петербургскому губернскому предводителю дворянства А. М. Потемкину: «Крепостные люди проживающего здесь действительного статского советника Оленина обратились ко мне с жалобой на жестокое обращение его с ними, а также на обременение их оброком и поборами и недостаточное их содержание.

Жалоба эта мною передана была для зависящего распоряжения здешнему уездному предводителю дворянства, который ныне представляет мне, что по собранным им под рукою сведениям, обстоятельства сей жалобы касательно отягощения оброком и дурного содержания людей Оленина не подтвердились, но обращение его с ними таково, что при нем не могут служить собственно принадлежащие ему люди, ибо Оленин, будучи вспыльчивого и неровного характера, делает людям своим безрассудные требования, подвергает их несправедливым взысканиям и наносит им собственноручно побои, рукою или тростью, почему действительный статский советник Безобразов для безопасности самого Оленина и для предупреждения важных последствий полагает необходимым строго воспретить сему помещику иметь в услужении собственных людей, предоставив ему выслать их на родину.

Находя таковое представление уездного предводителя, в списке у сего прилагаемое, заслуживающим уважения, я покорнейше прошу ваше превосходительство сделать лично действительному статскому советнику Оленину надлежащее внушение насчет обращения его с крепостными людьми, равно поставить ему на вид важные последствия, которые могут произойти при характере его от служения при нем собственных дворовых людей и убедить Оленина выслать сих последних на родину, заменив их наемною прислугою, согласно данному уже им Безобразову словесному обещанию, после случившегося в 1852 г. покушения

одного из людей Оленина на его жизнь, а последующем же не оставьте меня уведомить» [11, л. 4–5].

В свою очередь, член консультаций при Министерстве юстиции, действительный статский советник А. А. Оленин, проживавший в доме Дирина у собора Спаса Преображения близ Литейной части, обратился к губернскому предводителю дворянства 30 сентября 1854 г. в ответ на его повестку от 28 сентября 1854 г., объясняя, «что самовольно скрывшиеся с 9-го истекшего августа из дома его крепостные люди, по возмутительному издавна подговору двух из них писарей, из который один, облеченный уполномоченный формальной доверенностью на управление Тульской вотчиной, с уносом оной в противозаконное злоупотребление, затем бродяжничав здесь, в Санкт-Петербурге, несколько недель с своевольным сочинением жалоб, были внезапно приведены 21-го прошлого августа в дом от Управления Литейной части, 4 квартала при предъявлении о том отношения в Литейную часть от петербургского уездного предводителя дворянства от 20-го прошедшего августа за № 722. Тут же все те люди были возвращены в часть для принятия надлежащих мер к отсылке их отсюда как неблагонадежных служителей и буйственных беглецов, в вотчины, что и было установленным порядком исполнено, по вторичному приводу тех крепостных людей в дом из части надлежащим отправлением всех их из Санкт-Петербурга чрез здешнее Губернское правление истекшего августа 23, 24 и 25 чисел, в принадлежные Тульскую и Тверскую вотчины» [11, л. 9–9 об.].

Однако, в ответном письме от 2 октября 1854 г. губернский предводитель дворянства повторно предложил Оленину избавиться от дворовых людей, заменив их на вольнонаемную прислугу для его же блага [11, л. 10–10 об.]. В связи с отсутствием ответа от А.А. Оленина, аналогичное третье письмо было направлено ему губернским предводителем дворянства 21 октября 1854 г. [11, л. 11].

При этом в ответных письмах А. А. Оленина на имя губернского предводителя дворянства от 26 октября и петербургского военного генерал-губернатора от 4 ноября 1854 г. помещик в принципе соглашался отпустить дворовых на родину, интересуясь при этом их местонахождением [11, л. 12–14]. В результате 13 ноября 1854 г. петербургский военный генерал-губернатор вновь обратился к губернскому предводителю дворянства, уведомляя последнего, «что, по мнению моему, едва ли можно ожидать по сему делу успеха от одних письменных сношений с Олениным», почему предлагал А.М. Потемкину ускорить процесс и вызвать помещика на личное объяснение [11, л. 15–15 об.].

Как показали будущие события, опасения губернских и уездных властей были отнюдь не беспочвенны, а затягивание дела самим Алексеем Алексеевичем Олениным, объясняемое «болезнью» [11, л. 18–21], отозвалось на нем роковым образом.

25 декабря 1854 г. генерал от кавалерии Л. В. Дубельт вновь запишет в своё дневнике: «Действительный статский советник Оленин убит топором крепостными своими людьми Тимофеевым и Меркуловым. Убийцы сами явились и, объявив о

своем преступлении, сказали, что сделали это по причине жестокого с ними обращения их барина» [10, с. 266].

28 декабря 1854 г. предводитель А. М. Потемкин направил сообщение генерал-губернатору о том то, что «Оленин постоянно изъявлял неудовольствие свое на делаемое ему стеснение в предоставленному ему законом помещичьей власти, отзывался, что он никогда не давал петербургскому уездному предводителю дворянства вышеозначенного постоянного для него обещания, что все находящиеся в доме его дворовые люди принадлежат не ему, а его жене, и по сему не имеет права и не считает обязанностью чрез удаление их, лишить себя и семейство свое необходимой домашней прислуги», после чего в конце декабря 1854 г. помещик был убит дворовыми людьми [11, л. 22–23].

29 декабря 1854 г. действительный статский советник Алексей Алексеевич Оленин был отпет в Соборе Преображения Господня всей гвардии и погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Характерно, что в метрической книге Преображенского собора указана истинная причина смерти «скоропостижно от насильственной смерти» [12, л. 850 об.–851]. Тем не менее, в дальнейшем этот эпизод замалчивался, его не встретишь в дореволюционном «Русском биографическом словаре» [8, с. 215] и в обширной литературе советского декабристоведения. Лишь в 1988 г. при издании после смерти академика М. В. Нечкиной исследования «Декабристы. Биографический справочник» факт смерти декабриста от рук крепостных был включен в справку о А. А Оленине одной строчкой без подробностей [5, с. 133].

В связи с тем, что дети А. А. Оленина на момент его гибели были несовершеннолетними обширные его имения в Санкт-Петербургской губернии, в Клинском уезде Московской губернии: село Богородское с деревнями Тимоновой, Березниками и Высоковою и в Веневском уезде Тульской губернии: село Есипово, сельцо Фустово и деревни Причал, Новоселки и Александровка, и жены его – в Ржевском уезде Тверской губернии: сельцо Талица, сельцо Подсосонье и хутор Падарки и другие, с числящимися при них жителями, до 1863 г. поступили в опеку к братьям его вдовы, главноначальствующему III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и шефу жандармов, генералу от кавалерии князю Василию Андреевичу Долгорукову (1804–1868) и генералу от кавалерии князю Владимиру Андреевичу Долгорукову (1810–1891).

Покушение на жизнь 1852 г. и убийство в 1854 г. бывшего декабриста А. А. Оленина весьма характерны для аналогичных преступных деяний заключительного этапа существования крепостного права в России. В обоих случаях дворовые люди не пытались бежать после насильственных действий в отношении помещика, а добровольно сдались и признались в совершении содеянного, что свидетельствует об акте безысходности в попытке привлечения внимания властей к своему истинному положению. С другой стороны нельзя сказать, что власти не пытались реагировать на злоупотребление помещичьей властью со стороны А. А. Оленина. Попытки убедить его перейти на вольнонаемную прислугу, переписка между губернскими и уездными властями,

говорят о весьма ответственном понимании ситуации, во многом более сознательной, чем у самого барина. Альтернативой гибельного финала мог послужить административный арест имений и установление над ними «внешней» дворянской опеки, что было весьма распространенной мерой воздействия на дворянский произвол в помещичье-крестьянских взаимоотношениях. Но очевидно, что служебное положение А. А. Оленина, происхождение и родственные связи в придворных кругах не позволили петербургскому генерал-губернатору проявить решительность и принципиальность именно в этом деле.

Список использованных источников и литературы

1. Тимофеев Л. В. От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 2003. – М.: Наука, 2004. – С. 7–63.

Timofeev L. V. Ot Parfenija (Rodoslovnaja Oleninyh) // Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija. Ezhegodnik, 2003. – M.: Nauka, 2004. – S. 7–63

2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПБ). Ф. 19. Оп. 11. Д. 124.

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPB). F. 19. Op. 11. D. 124.

3. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – СПб.: А. С. Суворин, 1887. – Т. 2. – 918 с.

Rummel' V. V., Golubcov V. V. Rodoslovnyj sbornik russkih dvorjanskih familij. – SPb.: A. S. Suvorin, 1887. – T. 2. – 918 s.

4. Сахаров И. В. Алексей Николаевич Оленин (1763/64-1843): происхождение, родственное окружение, семья, потомки // Национальная библиотека. – 2019. – № 1(13). – С. 38–59.

Saharov I. V. Aleksej Nikolaevich Olenin (1763/64-1843): proishozhdenie, rodstvennoe okruzhenie, sem'ja, potomki // Nacional'naja biblioteka. – 2019. – № 1(13). – S. 38–59.

5. Декабристы. Биографический справочник/Изд. подготовл. С. В. Мироненo; под ред. академика М. В. Нечкиной. – М.: Наука, 1988. – 448 с.

Dekabristy. Biograficheskij spravochnik / Izd. podgotovl. S. V. Mironeno; pod red. akademika M. V. Nechkinoj. – M.: Nauka, 1988. – 448 s.

6. Декабристы в воспоминаниях современников / Под ред. В. А. Федорова. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 512 с.

Dekabristy v vospominanijah sovremennikov / Pod red. V. A. Fedorova. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988. – 512 s.

7. Речицкий И. Х. Крылов и Оленины // XVIII век. Сборник 20 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. – СПб.: Наука, 1996. – С. 292–300.

Rechickij I. H. Krylov i Oleniny// XVIII vek. Sbornik 20 / Otv. red. N. D. Kochetkova. – SPb.: Nauka, 1996. – S. 292–300.

8. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – СПб.: Императорское Русское Историческое Общество, 1905. – Т. 12: Обезьянинов-Очкин. – 480 с.

Russkij biograficheskij slovar'/Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva A. A. Polovcova. – SPb.: Imperatorskoe Russkoe Istoricheskoe Obshhestvo, 1905. – T. 12: Obez'janinov–Ochkin. – 480 s.

9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 253.

CGIA SPB. F. 19. Op. 111. D. 253.

10. Дубельт Л. В. Заметки и дневники Л. В. Дубельта / [Публ. вступ. ст. и примеч.] М. В. Бокариуса, Ф. М. Лурье, М. В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Российский Архив, 1995. – [Т.] VI. – С. 106–335.

Dubel't L. V. Zametki i dnevniki L. V. Dubel'ta / [Publ. vstup. st. i primech.] M. V. Bokariusa, F. M. Lur'e, M. V. Sidorovoj // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII – XX vv.: Al'manah. – M.: Studija TRITJe: Rossijskij Arhiv, 1995. – [T.] VI. –S. 106–335.

11. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 726.

CGIA SPB. F. 536. Op. 4. D. 726.

12. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 81.

CGIA SPB. F. 19. Op. 122. D. 81.

13. ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 8499.

CGIA SPB. F. 268. Op. 1. D. 8499.

Mankov S. A. A. A. Olenin – Decembrist killed by serfs

The circumstances of the biography and the details of the death at the hands of serfs of the serfs of the Active state councilor (deystvitelnyi statskiy sovetnik) Alexei Alekseevich Olenin (1798–1854), who once belonged to the Decembrist Union of Welfare, are considered. Although in his youth A. A. Olenin was the bearer of liberal ideas, at the end of his life he was distinguished by despotic methods in managing the peasants. The attempt on the life of 1852 and the murder in 1854 of the former Decembrist A. A. Olenin are very characteristic of similar criminal acts of the final stage of the existence of serfdom in Russia. In both cases, the courtyard people did not try to escape after violent actions against the landowner, but voluntarily surrendered and confessed to their deed, which indicates an act of hopelessness in an attempt to draw the attention of the authorities to their true situation. At the same time, the authorities tried to prevent the murder of Olenin by putting pressure on him to mitigate the fate of his serfs, but the position and family ties of the landowner prevented taking decisive measures against his estates.

Keywords: serfdom, nobility, peasantry, murders of landowners, courtyard people, Decembrists, Welfare Union, A. N. Olenin, St. Petersburg province, Russia in the XIX century.